

- слов. – М., 2007.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1994.
 9. Светлов О.П. Светский благовоспитанный молодой человек. – М., 1898.
 10. Словарь русского языка XVIII века, Выпуск 10 (Кастальский-Крупостца). – СПб., 1998.
 11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 2004.
 12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М., 1999.
 13. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Berlin, 1989.
 14. Nouveau Dictionnaire étymologique et historique. Paris, 1981.

E. Semenova
 ETIMOLOGY AND SEMANTICS OF
 WORD «COMPLIMENT»

Abstract: This article is about the lingual unit «compliment», dedicated to its formation and function in the Russian language of the 18th-19th centuries. Shortly presented is the description of this unit's historical development in the West European languages as well as its adoption by the Russian language. The text materials' analysis showing all semantic nuances of «compliment's» meanings is the main point of this article. According to this analysis the conclusion made about the availability of temporary frames limiting polysemy prosperity of the present adoption and further gradual disappearing trend of most meanings.

Key words: compliment, semantics, connotation, variance, etiquette, verbalization, gallicism.

УДК 81'276

Степаненкова Т.В.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СТАРОСЛАВЯНСКИХ И ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОЗЕ А.С. ПУШКИНА*

Аннотация: В статье рассмотрены особенности стилистического употребления церковно-славянских и старославянских фразеологических единиц в прозе А.С. Пушкина; представлены и проиллюстрированы особенности фразеологических единиц эмоционально-экспрессивного характера.

Ключевые слова: церковно-славянская/старославянская фразеологическая единица, стилистическое поле, эмоционально-экспрессивные ФЕ, стилистическая функция, трансформация фразеологических единиц.

Фразеологии принадлежит одно из ведущих мест среди выразительных средств языка. Поэтому анализ фразеологических единиц (ФЕ) в художественном тексте с точки зрения их стилистического функционирования представляется немаловажным. Однако вопрос о функционально-стилистическом расслоении фразеологизмов в современной науке остается сложным и спорным. До сих пор фразеологами не выработаны общепринятые критерии определения стилистического значения ФЕ, не выявлены признаки, по которым следует различать фразеологизмы

разного стилистического значения. Отнесенность ФЕ к тому или иному стилистическому пласту опирается, в основном, на стилистические особенности компонентов, входящих в состав ФЕ. «Сложность отнесения фразеологизмов к тому или иному стилистическому типу заключается и в том, что фразеология сама по себе стилистически выделяется из сферы обычной лексики за счет своей повышенной образности, роли внутренней формы, постоянной динамики, проявляющейся как в изменении состава фразеологизмов, так и в модификации их семантики» [Баранов, Добровольский: 2008, 554].

В настоящей статье мы не ставим перед собой задачи систематизировать существующие стилистические концепции. При характеристике стилистической маркированности ФЕ мы используем данные словарей, а также учитываем особенности функционирования старославянских и церковно-славянских ФЕ в контексте пушкинской прозы.

Исследование особенностей функционирования ФЕ старославянского и церковно-славянского происхождения в прозе А.С. Пушкина является значимым аспектом изучения ФЕ этого типа, так как позволяет вы-

* © Степаненкова Т.В.

явить особенности стиля прозы Пушкина и определить место старославянских и церковно-славянских единиц в художественном пространстве писателя.

Прежде чем рассмотреть стилистические функции старославянских и церковно-славянских фразеологических единиц в прозе А.С. Пушкина необходимо уточнить содержание понятий *старославянская* и *церковно-славянская* единица. Старославянский язык как язык письменный, литературный лег в основу церковно-славянского языка – языка богослужебной литературы и богослужения и книжно-славянского типа литературно-письменного языка – языка светской литературы. Церковно-славянский язык – язык церкви. Он функционирует для нужд церкви и обслуживает следующие жанры: евангелие, псалтирь, минея, апостол и т.д. Вслед за К.А. Войловой, мы считаем, что термины «церковно-славянский/церковнославянство, церковно-славянское книжное» следует использовать тогда, когда налицо связь с религией, церковью, христианским учением, которые наложили печать христианского мифа на «лицо» лексем. В свою очередь, термин книжно-славянский следует использовать применительно к единицам, которые имеют связь с книжно-славянским типом литературно-письменного языка старорусской житийной литературы. В нашей работе мы будем разграничивать понятия церковно-славянская/старославянская единицы, используемые Пушкиным в языке своих произведений в той или иной функции.

По мере творческой и духовной эволюции личности А.С. Пушкина меняется и его отношение к использованию церковно-славянских и старославянских единиц – он значительно расширяет их стилистическое поле: «Пушкин не только раздвинул горизонты живому, русскому слову, но и переосмыслил в языке своих произведений слово книжное, старославянское по происхождению, расширив границы его семантико-стилистического поля» [Войлова: 2000, 136]. Особенно ярко эти преобразования проявились в прозе писателя, где он «...создает многочисленные образцы и способы сочетания таких словарных и грамматических категорий, которые в прежнее время противопоставлялись друг другу как категории поэтического и прозаического, высокого и низкого...» [Виноградов: 1949, 9]. Войдя в художественный текст, церковно-славянские и старославянские ФЕ утрачивают свою принадлежность к высокому стилю, они нейтрализуются или становятся просто-

речными единицами в условиях контекста. При этом, как замечает К.А. Войлова, «сохраняется сакральное содержание церковно-славянизма, который организует вокруг себя весь текст, становясь ядерной единицей» [Войлова: 2000, 136].

Снижение стилистического статуса церковно-славянской и старославянской ФЕ происходит по нескольким причинам. Прежде всего, это использование ФЕ в трансформированном виде, когда трансформации подвергается не только структура, но и семантика ФЕ (семантическая и структурно-семантическая трансформации). Претерпев подобные изменения, фразеологические единицы развивают в пределах своего пространства явные экспрессивно-стилистические свойства. Следующей причиной изменения стилистического статуса исследуемых фразеологических единиц становится погружение ФЕ в синтаксические конструкции разговорной стилистической окрашенности: 1) разговорные, 2) разговорно-просторечные, 3) бытовой контекст [Войлова: 2000, 142]. Развивая статус разговорно-бытовой, просторечной единицы, церковно-славянские ФЕ репрезентируют необычность психологического состояния героев, подчеркивая ситуативную обусловленность употребления. Например: *Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. «Что же ты стоишь!» – закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка Петр Андреич, – произнес он дрожащим голосом, – не умори меня с печали...* ФЕ *не умори меня с печали* выступает в данном контексте как эмоционально-экспрессивная единица, передает психологическое состояние героя. Ее употребление становится ситуативно обусловленным. Дополнительными средствами, выражающими эмоционально-экспрессивное состояние Савельича, становятся вербальные и невербальные средства: жесты, интонация, внешний вид, внутреннее состояние: *Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остолбенел; Савельич заплакал; произнес он дрожащим голосом; поглядел на меня с глубокой горестью.* Структурно-семантическая трансформация ФЕ *не умори меня с печали* также способствует снижению стилистического статуса ФЕ, переводя ее в разряд просторечных единиц. Об этом свидетельствует и то, что эту форму использует в речи слуга Гринева Савельич, человек необразованный, человек из народа, но человек верующий, посещающий храм, знакомый со Священным писанием.

«Ах! мой батюшка! – возразила комендантша, – да разве муж и жена не один дух и единая плоть? Иван Кузьмич! Что ты зеваешь? Сейчас расседи их по разным углам на хлеб и на воду, чтоб у них дурь-то прошла; да пусть отец Герасим наложит на них эпитимию, чтоб молили у бога прощения да калялись перед людьми». В данном контексте ФЕ церковно-славянского происхождения *да разве муж и жена не один дух и единая плоть?* и *наложит на них эпитимию* переходят в разряд разговорно-бытовых конструкций так как: 1) в состав самих ФЕ входят разговорные единицы *да разве... не;* 2) фразеологизмы погружены в бытовой контекст, в связи с чем церковно-славянские ФЕ утрачивают сакральный характер и высокую стилистическую окрашенность; 3) стилистический статус ФЕ изменяется за счет структурно-семантической трансформации, вызванной расширением компонентного состава ФЕ. В результате ФЕ развивают эмоционально-экспрессивный оттенок, сообщая его всему контексту.

Или: «А то в них дурно, – отвечал разгоряченный супруг, – что с тех пор как они завелись, мужья не сладят с женами. Жены позабыли слово апостольское: *жена да убоится своего мужа; хлопочут не о хозяйстве, а об обновах; не думают, как бы мужу угодить, а как бы пригласиться офицерам-вертопрахам*». В этом контексте ФЕ *жена да убоится своего мужа* переходит в разряд разговорных, развивая эмоционально-стилистический оттенок с отрицательной коннотацией. Этому способствует класс денотативных слов, окружающих фразеологизм, который отражает эмоциональное состояние и отношение героя к ситуации: *отвечал разгоряченный супруг; позабыли слово апостольское.*

В грозном послании Гринева-отца Савельичу наглядно демонстрируется исторический стиль времени пугачевского восстания, поэтому все единицы контекста, в том числе старославянского происхождения, выдержаны в одном стиле, они несут на себе приметку времени, социального положения героев, их культуру, образование, сохраняя высокую или нейтральную стилистическую окрашенность: *Стыдно тебе, старый пес, что ты, невзирая на мои строгие приказания, мне не донес о сыне моем Петре Андреевиче и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах. Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса! пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство к молодому человеку. С получением сего приказываю тебе немедленно*

но отписать ко мне, каково теперь его здоровье, о котором пишут мне, что поправилось; да в какое именно место ранен и хорошо ли его залечили.

Высокую стилистическую окрашенность церковно-славянская ФЕ утрачивает, переходя в статус междометных единиц, что приводит к формированию новой стилистической функции, совмещающей эмоциональный и стилистические признаки. Меняя свой грамматический статус, ФЕ развивают и дополнительные оттенки значений, что, несомненно, расширяет стилистический и изобразительно-выразительный потенциал ФЕ церковно-славянского происхождения. Например: *Вот тебе и государев кум! Из огня да в полымя... Господи владыко! чем это все кончится?*

– *Что это, сударь с тобою сделалось? – сказал он жалким голосом, – где ты это нагрузился? Ахти господи! Отроду такого греха не бывало!*

– *Молчи, хрыч! – отвечал я ему, запинаясь, – ты, верно, пьян, пошел спать...;*

– *Ах, боже мой, отчего же так темно? Ах, боже мой, отчего же так темно?*

В приведенных примерах ФЕ церковно-славянского происхождения в разговорных конструкциях становится междометной единицей, передающей различные чувства, эмоции персонажей. Такие формы как *Господи владыко! боже мой; ахти господи* образованы от формы звательного падежа и в современном русском языке имеют не первоначальное значение, а лишь выполняют экспрессивно-стилистические функции, связанные с такими чертами разговорной речи, как непринужденность, экспрессивность, диалогичность.

Итак, в ходе анализа ФЕ церковно-славянского и старославянского происхождения мы выявили следующие случаи изменения стилистического статуса исследуемых фразеологических единиц.

1. Церковно-славянские ФЕ переходят в разряд разговорно-бытовых, погружаясь в бытовой контекст и находясь в окружении разговорных единиц.

2. Церковно-славянские ФЕ развивают просторечный характер, находясь в окружении просторечных и диалектных единиц.

3. Церковно-славянские ФЕ утрачивают свое сакральное значение, трансформируясь и структурно, и стилистически.

4. Дополнительные эмоционально-стилистические изменения происходят и за счет перехода ФЕ церковно-славянского происхождения в новый частеречный статус.

Таким образом, последовательность «семантико-стилистических словов» [Лотман: 1998] в художественном пространстве Пушкина создает такую картину мира, которая становится центром мироздания, воспринимаемого как объективно существующий факт действительности.

Ниже мы приведем классификацию, в которой представлены ФЕ церковно-славянского происхождения, выражающие различные оттенки чувств, эмоций, особенностей поведения героев, их внутреннее состояние и т. д.

1. ФЕ, выражающие чувство удовлетворения, радости:

«Слава богу, – ворчал он про себя, – кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!»;

— Сторона мне знакомая, – отвечал дорожный, – слава богу, исхожена и извезжена вдоль и поперек;

«Опомнися! опомнися! – повторял он. – Слава тебе, владыко! Ну, батюшка Петр Андреич! напугал ты меня! легко ли? пятье сутки!...».

2. Удивление:

...где ты это нагрузился? Ахти господи! Отроду такого греха не бывало!

Боже мой!.. что вы говорите!

— Эхе, – сказал он, опять ты в нашем краю! Отколе бог принес;

Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил!

А здесь...Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замечательного слова в течение трех часов!

3. Выражение просьбы, обращенной к кому-либо:

...Молчите, ради бога, молчите. Вы терзаете меня;

— Что ты? – возразила с живостью Лиза, – ради Христа, не приходи;

— Дай бог, – говорила она, – чтобы все русские любили свое отчество как я его люблю;

После рассказа, бабушка, ради бога хлеба. Некогда, бабушка, мне надо сбегать еще в одно место. Хлеба ради Христа, хлеба (повтор ФЕ усиливает эмоционально-экспрессивное состояние, подчеркивает важность происходящего события в данный момент).

4. Испуг:

— Боже мой! – закричала Марья Гавриловна, – и вы не знаете, что сделалось с бедной вашей женой;

— Боже мой! Он погиб, – сказал Сеникур...;

Во владение Кирилу Петровичу! Господи упаси и избави: у него часом своим плохо приходится...;

Я обмерла; царь мой небесный, что будет с моим Ванюшей?

5. Клятвенное заверение в чем-либо:

«Так завтра в это время не правда ли?» – «Да, да». – «И ты не обманешь меня?» – «Не обману». – «Побожись». – «Ну вот те святая пятница, приду»;

Ты женишься или я тебя прокляну, а имение, как бог свят! Продам и промотаю, и тебе полушки не оставлю;

Я пьян? Батюшка Владимир Андреевич, бог свидетель, ни единой капли во рту не было...

6. Выражение надежды на высшие силы:

Иван Кузьмич, в животе и смерти бог волен: благослови Машу;

Ну, Маша, будь счастлива. Молись богу: он тебя не оставит;

Будьте живы и счастливы; может быть господь приведет нас друг с другом увидеться...;

Прощайте, Петр Андреич! Что будет, то будет; авось бог не оставит!

7. Внутреннее состояние героев, их переживания:

Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. «Что же ты стоишь!» – закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка Петр Андреич, – произнес он дрожащим голосом, – не умори меня с печали...;

– Я? писал на тебя доносы? – отвечал Савельич со слезами. Господи царю небесный!

Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, изливаемой из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет.

8. Являясь средством речевой характеристики героев, церковно-славянские ФЕ становятся нейтральными в стилистическом отношении. Например, в речи священника:

– Полно, старуха, – прервал отец Герасим. – Не все то ври, что знаешь. Несть спасения во многом глаголании. Батюшка Петр Андреич! войдите, милости просим. Давно, давно не видались;

– Суета сует, – сказал священник, – и Кирилу Петровичу отпоят вечную память, всё как ныне и Андрею Гавриловичу

разве похороны будут побогаче да гостей созовут побольше, а богу не все ли равно!

– Удались от зла и сотвори благо, – говорил поп попадье, – нечего нам здесь оставаться. Не твоя беда, чем бы дело ни кончилось. – Попадья что-то отвечала, но Владимир не мог ее расслышать.

Таким образом, в художественном пространстве пушкинской прозы ФЕ церковнославянского и старославянского происхождения выполняют следующие стилистические функции: являются средством речевой характеристики героев, передают внутреннее состояние героев и передают их эмоционально-экспрессивное состояние, используются как средство стилизации народной речи, переходят в разряд междометных единиц, расширяя тем самым стилистические возможности книжной единицы для передачи чувств и эмоций героев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Войлова К.А. Судьба просторечия в русском языке: Монография. – М., 2000.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М., 2008.
3. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Проза. – М., 1986.

4. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. – 1977-1979.
5. Казин А.Л. Последнее царство. Русская православная цивилизация. – СПб., 1998.
6. Войлова К.А. А.С. Пушкин: соотношение объективного и субъективного в языке и стиле. – М., 2007.
7. Виноградов В.В. А.С. Пушкин – основоположник русского литературного языка. – М., 1949.
8. Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960-1990. «Евгений Онегин». Комментарии. – СПб., 1998.

T. Stepanenkova

THE STYLISTIC FUNCTIONS OF THE OLD SLAVONIC AND CHURCH SLAVONIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN A. PUSHKIN'S PROSE

Abstract: The article considers the peculiarity of the stylistic use of the church Slavonic and Old Slavonic phraseological units in A. Pushkin's prose. Here are presented and illustrated the distinctive features of the phraseological units with the emotive-expressive character.

Key words: church Slavonic/ Old Slavonic phraseological unit, stylistic field, emotive-expressive phraseological units, stylistic function, transformation of phraseological units.

УДК 81'373

Таратинская Л.А.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЛЕКСЕМЫ «МАЛЕНЬКИЙ» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»*

Аннотация: В статье проанализированы лексико-семантические варианты лексемы «маленький», их изобразительные функции в тексте романа Достоевского «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: лексема, изобразительные функции, художественная манера.

В текстах произведений Ф. М. Достоевского обращают на себя внимания слова, особые «словечки» и некоторые приемы сочетания слов, обнаруживающие яркие специфические черты художественной манеры Достоевского, а также «стилистические ходы», несущие особую функциональную нагрузку. Объектом исследования становятся отдельные слова; ср., напр., анализ изобразитель-

ных возможностей лексем «чёрт», «страх», «хвост» в работе «Поэтика портрета в романах Достоевского» Г. С. Сырица [1]. В данной статье будут рассмотрены изобразительные функции слова «маленький» в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

В толковых словарях современного русского языка представлены следующие толкования лексемы «маленький»; ср.: «Словарь русского языка» С.И. Ожегова (СО): **МАЛЕНЬКИЙ**. 1. Небольшой по размерам, по количеству. 2. Незначительный, ничтожный. 3. Малолетний [2] (ср. также: «Словарь русского языка» / Гл. ред. А.П. Евгеньева (МАС): **МАЛЕНЬКИЙ**. 1. Незначительный по величине, размерам *противоп.* большой. // Невысокого роста. // Кроткий, немногословный. // Небольшой по количеству, немногочисленный. 2. Незначительный по силе, по степени

* © Таратинская Л.А.